

ОРАЗАЛЫ СЕРИККАЛИҰЛЫ

КОКПАР

АМАНАТ · КНИГА ПЕРВАЯ

Оразалы Советкали Кокпар

<https://litres.ru/74669457>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алтын привозят в Ордо как аманат — живой залог верности её рода. Здесь у каждого имени есть цена, а право выйти за белые ворота принадлежит тем, кто ведёт опись. На поле кокпара юные заложники борются за привилегии, но Алтын замечает: за счётом голов скрывается другой счёт — людей, которых вычёркивают из книг. Вместе с Арланом и Меруерт ей предстоит выяснить, кому служит закон и можно ли изменить его, не заплатив чужой жизнью. Молодёжная антиутопия о свободе, памяти и цене молчания в вымышленном мире, вдохновлённом культурой казахской степи. Первая книга истории «Аманат». Издание с иллюстрациями.

Содержание

Часть I. Опись	4
Глава 1. Белые ворота	5
Глава 2. Книга кормов	15
Глава 3. Пиала побольше	24
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Кокпар

Часть I. Опись

Глава 1. Белые ворота

Алтын

Из описи залога. Строка первая: имя. Строка вторая: цена.

Меня внесли в опись раньше, чем спросили, как меня зовут.

— Рост, — сказал человек за столом, не поднимая головы.

— Сто шестьдесят восемь, — ответил второй, в сером, с мерной лентой. Он обмерил меня за три вдоха, как меряют

жеребёнка перед продажей: плечо, шея, длина руки. Всё это под воротами, на сквозняке, где ветер стоял в очереди так же терпеливо, как и я.

Белые ворота Ордо¹ оказались не белыми. Это был известняк, который вымыли дождём до цвета старой кости. В них было три человеческих роста высоты и ни одного окна, и когда за мной закрылись створки, я услышала звук, которого не слышала никогда. Это был звук места, из которого никто не обязан тебя выпускать.

Два человека из моего рода остались по ту сторону белой полосы на земле. Дальше аманат² идёт один. Дядя Нұрлан не смотрел мне в лицо. Он смотрел на ворота и поправлял уздечку своего коня, хотя она давно была в порядке. Бабушка со мной не поехала, потому что не смогла бы стоять там и ничего не сказать.

Перед отъездом она сказала мне одну фразу, пока заплетала косу: «Аманат — это то, что оставляют на сохранение. Оставившему потом отвечают». Я тогда решила, что это про деньги. Теперь это стало про меня.

Мама не сказала ничего. Она вышла проводить нас до конюязи в том же платье, в котором доила кобыл, и всю дорогу смотрела на мои руки, а не на лицо. Только когда я уже сидела в седле, она подошла, подтянула мне подпругу, хотя та была затянута, и сказала, не поднимая головы: «Три ве-

¹ . Ордо — крепость, где сидит власть. По-казахски «орда» — ставка правителя.

² . Аманат — человек, отданный в залог при договоре; заложник.

щи проверяй сама». Подпруга, повод, стремяна. Я знала. Она знала, что я знаю. Мы обе делали вид, что это урок.

Так у нас прощаются. Не словами, а ремнями.

Дорога до Ордо заняла девять дней. На шестой мы вышли на плато, и я впервые увидела крепость издалека: она стояла в скале, как зуб в десне, белая, без единого дерева, и над ней не было ни дыма, ни птиц. Дядя Нұрлан сказал, что птиц нет, потому что в Ордо топят каменным углём. Я сказала, что птицы любят и уголь. Он промолчал. Мы оба знали, что причина в другом. Птицы не любят места, где много людей молчит.

— Зубы.

Человек за столом наконец поднял голову. Лицо у него было скучное, как лист бумаги. Серый взял меня за подбородок двумя пальцами и приподнял мне верхнюю губу. У нас дома так проверяют лошадей. Возраст смотрят по зубам.

— Целые, — сообщил серый.

Писарь записал. Я заметила, что у него красивый калам³, длинный и чёрный, и что он держит его так, будто он ему не принадлежит.

— Ладони.

Я протянула. Он повернул их к свету.

— Мозоли свежие. Работала с верёвкой?

— С поводом.

— «Верёвка», — сказал он и записал. Я открыла рот, что-

³. Калам — тростниковое перо для письма.

бы поправить, и закрыла. Мне вдруг стало понятно, что здесь это ничего не изменит.

— Шрамы.

— Левое предплечье. Старый. Упала с жеребёнка.

— «Старый шрам, левое предплечье. Падение с животного».

— С жеребёнка.

— «С животного», — повторил он без злости. Скучное лицо не изменилось ни на волос.

Серый обошёл меня по кругу. Мне уже не было неловко, и это пугало больше всего. Кожа сначала горит, потом забывает, что должна гореть.

— Состояние, — сказал писарь.

— Здорова, — ответил серый. — Напугана умеренно.

— Это в графу не вносится.

— Тогда пусть будет «здорова».

Я смотрела на ряд ящиков за спиной писаря. Каждый был подписан тамгой⁴, и я нашла нашу. Три ломаные линии, как копыто кобылы по мокрой глине. Ящик Құлан был полон. Я тогда не стала думать, чем полон.

— Условие возврата, — сказал писарь.

Он спросил это у серого, не у меня. Серый вздохнул и ответил так, как отвечают сто раз за день:

— Живая.

— Единственное условие, — добавил писарь, будто я мог-

⁴. Тамга — родовой знак.

ла надеяться на другое. Он поставил печать, и она сошла с бумаги с таким мягким щелчком, что я почувствовала его в позвоночнике.

Мне защёлкнули на запястье браслет. Латунь, холодная, чуть шире, чем нужно. Гравировка: *Құлан* · 3. Третье место нашего рода, место писаного. До меня на нём сидел мой брат Жан. Теперь я.

— С лошадьми так же делают, — сказала я вслух, сама не зная зачем.

— Лошадей проверяют тщательнее, — ответил писарь. — Они дороже.

Он не издевался. Он сообщал.

— Это что?

Серый держал мою плеть. Я привезла её с собой под седлом и теперь смотрела, как её держат двумя пальцами, какдохлую крысу.

— Қамшы⁵.

— Оружие.

— Это плеть.

— В Ордо разницы нет, — сказал писарь и написал: «Плеть, одна. Изъята до возврата».

⁵ . Қамшы — плеть, камча.

Я промолчала, потому что мне вдруг стало важнее, чтобы они не заметили, что у меня под курткой, поверх рубашки, намотан кожаный пояс. Его никто не искал. Его привезли нам в феврале в мешке вместе с бумагой, и мама сказала, что это всё, что от Жана осталось, и что выбрасывать нельзя. Я надела его утром, затянула потуже и надеялась, что он не звякнет пряжкой.

Он не звякнул.

— Принято, — сказал писарь.

И в этот момент в воротах кто-то спросил:

— Это она?

Парень вошёл через боковую калитку и остановился сра-

зу, как заходят туда, где знают, где остановиться. Он был высокий, в чёрном длинном чапане⁶, на воротнике латунная брошь в виде круглой печати. Лет девятнадцать, может, двадцать. Волосы подстрижены строго, как по натянутой нити. На правой руке были чернильные пятна, застарелые и серые, въевшиеся в кожу так, как въедаются в нас шрамы.

— Алтын, — сказал он, глядя в бумагу в руке. — Құлан, третье место, писаная. Приёмка закончена?

— Принимаем, — сказал писарь и подвинул ему лист.

— Арлан Қасымұлы, — сказал парень мне, не мне, а как будто воздуху вокруг меня. — Ваш сенімді⁷.

Слово повисло. Я знала, что оно значит. Дома оно значило «тот, кому доверяют».

— Тот, кому меня доверили, — сказала я.

— Тот, кому вас доверили, — согласился он. Первый раз посмотрел на меня прямо. Он смотрел не на человека и не на лошадь. Он смотрел на подпись, которую надо проверить на подлинность.

Мы пошли через двор.

Двор был больше любого двора, что я видела. Каменные плиты, не земля. Вокруг стены, в стенах узкие окна без стёкол, прикрытые досками изнутри. Ни одного дерева, ни одной птицы. Я посмотрела вверх и увидела, что по верху стены ходит человек с копьём, и что у него на копье наконеч-

⁶. Чапан — длинный верхний халат.

⁷. Сенімді — «доверенный». Опекун аманата, отвечающий за него по бумагам.

ник, перекованный из лемеха плуга. Крепость, которая кормит степь, держит оборону плугом.

— Дом залога там, — сказал Арлан, не показывая рукой.
— Налево по галерее. Общий зал на первом этаже, спальни на втором. Вашу комнату вам покажут. У каждого своя. Вставать на рассвете. Доску обновляют тогда же. Обед в полдень, ужин на закате. После заката не свистеть.

— Почему?

— Порядок.

— Это не причина.

— Это правило, — сказал он ровно. — У правил причины подписаны в других бумагах.

Я хмыкнула. Он этого не заметил, или сделал вид.

Мы вышли в галерею. С одной стороны шли колонны, с другой стена, и в какой-то момент стена кончилась и открылся север: длинная голая линия стены, а в ней тёмная арка, закрытая решёткой. Над аркой висел деревянный диск, покрашенный в белое.

— Холодные ворота, — сказала я.

— Север, — ответил он. — Закрыто для аманатов.

— Почему «холодные»?

Он на миг замялся. Я заметила, потому что смотрела на него.

— Потому что север, — сказал он.

— Мой брат ненавидел холод. — Я сказала это ровным голосом, как перечисляют, что у человека есть из имущества.

— Дома он спал у очага до самого мая. Если надо было идти на двор, брал две куртки. Он бы никогда не пошёл ночью на север.

Арлан не ответил. Ни «сочувствую», ни «такова бумага». Только моргнул, один раз, медленно, и двинулся дальше.

Я пошла следом.

— Сколько нас здесь? — спросила я.

— Пятнадцать. Пять писаных и десять младших.

— И сколько из них доживает до конца срока?

— Все, кого вверили, — сказал он.

— Вы говорите так, будто это одно и то же.

Он не ответил. Мы прошли ещё несколько шагов в тишине, и я слышала, как у него под чапаном шуршит бумага. Он носил бумаги так, как другие носят оружие.

— Вы знаете, что слово «аманат» значит не только «залог»? — спросил он вдруг, не оборачиваясь.

— Знаю. Бабушка говорит, это то, что оставляют на сохранение.

— Моя мать говорила так же.

Он сказал это ровно, но голос его не был ровным. Я не успела ничего ответить. Мы подошли к двери, на которой была прибита деревянная пластинка с тремя ломаными линиями. Нашей тамгой. Дом залога.

— Здесь, — сказал он. — Доска в зале, увидите сами. Если что-то понадобится, вызывайте через дежурного. До вечера свободны.

Он развернулся и пошёл обратно. Спина у него была прямая, как у человека, который с детства учился ходить так, будто его кто-то записывает.

Я осталась стоять у двери с браслетом на руке и поясом на рёбрах.

Я могла бы войти. Могла бы постоять ещё. Я стояла и думала про его полное имя. «Арлан Қасымұлы». Сын Қасыма. Бітімгера⁸, хранителя договоров. Это я знала.

И я знала ещё кое-что, о чём не сказала ни ему, ни писарю, ни серому. Это имя я читала раньше. Оно стояло внизу бумаги, которую нам привезли вместе с поясом моего брата. Бумага называлась «Ярлык⁹побега», и под словом «побег», после подписей, печатей и двух свидетельских отметок, мелким аккуратным почерком было написано: «Наследник Печати: Арлан Қасымұлы».

Почерк у него красивый. Я запомнила это ещё тогда.

⁸ . Бітімгер — «примиритель». Титул хранителя договоров и Печати.

⁹ . Ярлык — грамота, указ. Здесь: бумага о «побеге» аманата.

Глава 2. Книга кормов

Арлан

Из закона залога, статья вторая. Пока аманат жив, договор жив.

В Башне Печати утро начиналось с того, что он считал листы.

Арлан открыл нижний ящик стола, как делал каждый день с тех пор, как три года назад отец вручил ему ключ. Листы лежали ровной стопкой, по десять в пачке, перевязанные

шнуром. Девяносто «Договоров о продлении», сорок «Ярлыков о приёме залога», пятьдесят «Свидетельств о замене». И пять «Ярлыков побега».

Он делал вид, что это обычная работа, ровно по тем же причинам, по каким работа становится обычной: потому что её никто не называет по-другому.

Пять листов «Ярлыка побега» были не совсем чистые. В правом углу каждого стояла печать Битимгера, красная, уже высохшая. Подпись под ней и дата оставались пустыми.

— Так положено, — сказал ему отец год назад. — Печать ставится заранее, чтобы ночью никого не будили.

— Чтобы ночью никого не будили, — повторил Арлан и ничего не спросил. Он гордился тем, что умеет не спрашивать. Это называлось «дисциплина».

Он закрыл ящик.

Сегодня он должен был перебрать ярлыки за осень и подготовить перечень для Совета биев¹⁰. Работа не срочная. Он взял чернильницу, калам, и пока затачивал кончик, поймал себя на том, что насвистывает.

Не свистел. Напевал, закрыв рот. Считалку.

Мать пела её, когда он был совсем маленьким. Слов он не помнил. Была мелодия, короткая, повторяющаяся, как ходьба по кругу. Была переключка имён: чужих, странных, ни одно из которых ему не было знакомо. Он считал это колыбельной. Может, так и было. Мать, Салтанат, родом из Бөрі,

¹⁰ . Бий — судья и старейшина, решавший споры по обычаю.

аманатка, оставшаяся в Ордо после срока, умерла шесть лет назад от лихорадки. Больше он не спрашивал себя, что она пела.

Он помнил, как она сидела на краю его кровати, с руками, пахнущими воском и холодом, потому что она мёрзла всегда, даже летом, даже у очага. «Бөрі всегда мёрзнут вдали от своих скал», — говорила она. Он спрашивал, почему тогда она осталась. Она смеялась и отвечала, что у неё здесь остались дела. Он был ещё маленьким и не спросил, какие именно.

Арлан перестал напевать. Тишина в Башне была старая, каменная, как всё здесь.

В дверь постучали.

— Входи, — сказал он, не оборачиваясь, потому что знал по шагам.

Отец вошёл, едва стукнув. Қасым был невысокий, плотный, с лицом, на котором никогда ничего не происходило раньше времени. Бітімгер. Хранитель договоров. Он носил такой же чёрный чапан, как сын, только с тремя латунными печатями на воротнике. Его уважали и боялись, и, как подзревал Арлан, делали это в строго равных долях.

— Девочка прибыла, — сказал отец.

— Алтын. Құлан, третье место. Я принял её утром.

— Хорошо принял?

— Как положено.

— Я не спросил «как положено», — сказал Қасым спокойно. — Я спросил «хорошо».

Арлан помедлил.

— Она сказала, что её брат не пошёл бы ночью на север.

— Многие говорят такое. — Отец сел на подушки для просителей, чего никогда не делал без причины. — Құлан заплатил полторы сотни лошадей за побег Жана. Ты знаешь это. Я хочу, чтобы эта девочка дожила до весны. Весной у них продление. Если она не доживёт, мне придётся объясняться перед Советом биев, откуда у Құлан вторая смерть подряд на одном месте.

— Она будет жива, — сказал Арлан.

— Ты уверен?

— Это моя обязанность.

— Это больше, чем обязанность, — сказал Қасым. — Ты знаешь, что будет, если она умрёт не по закону.

Арлан знал. Статья шестая. Он знал её наизусть, как другие знают молитвы. Сенімді отвечает именем. Если аманат умер не «по побегу», опекун лишается имени. Атсыз¹¹. Человек, которого перестают записывать. Он продолжает дышать, но по бумагам его нет, и хлеб ему не положен, и тех, кто с ним заговорит, не наказывают, но и не замечают. Арлан видел Безымянный ряд. Он ходил туда один раз, в двенадцать лет, по приказу отца: «чтобы знал».

— Я знаю, — сказал он.

— Тогда мы друг друга поняли.

Қасым встал. У двери остановился.

¹¹ . Атсыз — «безымянный»: человек, лишённый имени.

— Ты хорошо подписываешь, — сказал он. — Это редкий дар. Не трать его на сомнения.

И вышел.

Арлан сидел. Потом выдвинул другой ящик и достал связку с надписью: *Құлан. Место 3. Ж.* Он не открывал её три месяца.

Он открыл.

«Ярлык побега. Жанболат, сын Беркина, писанный аманат рода Құлан, место 3. Дата: четырнадцатый день месяца ақпан¹². Обстоятельства: ночью, в состоянии душевного расстройства, покинул Дом залога верхом на гнедом коне Жорға, направился на север, конь вернулся к воротам. Обнаружен утром у Ақ тас в состоянии крайнего истощения,

¹² . Ақпан — февраль.

скончался до прибытия помощи. Опекун: Сеит Қалиұлы. Старший писарь: Рахман Ілиясұлы. Печать Бітімгера. Свидетели от Дорожного крыла: Ержан, Мұрат. Контрподпись наследника Печати: Арлан Қасымұлы».

Его почерк. Очень ровный. Тогда, в феврале, ему ещё было восемнадцать, и ему показалось важным, чтобы подпись выглядела уверенно.

Сеит, тогдашний опекун, через месяц после ярлыка записал и был отправлен в нижний город. Қасым назначил Арлана сенімді Құлан взамен. Это тоже было «важно, чтобы всё осталось в семье».

Арлан читал ярлык второй раз. И третий. Что-то цепляло. «Верхом на гнедом коне Жорға».

Он вспомнил. Не сразу, но вспомнил. В тот год, спустя два дня после ярлыка, он заходил в конюшню проверить, что конь возвращён хозяйству Ордо, как положено. Конюх сказал: «Гнедой? Он и не уходил. Утром взял овёс, как обычно». Арлан тогда подумал: «Значит, конь вернулся сам и его привели ночью, а конюх спал». Объяснение было удобное. Он принял его, как принимают удобное сиденье.

Он пытался посадить эту версию в седло, и она не держалась.

Если конь не уходил, на чём Жан доехал до Ақ тас? Пешком? Это восемьсот шагов от Холодных ворот. Но ворота закрыты на ночь, ключ у дежурного дозора. Как он вышел?

Арлан закрыл связку. Он не любил, когда у него пропада-

ла уверенность в простом.

Он вышел из Башни, но пошёл не к Дому залога. Он пошёл в конюшню.

Конюх, сутулый мужик по имени Омар, чистил стойло и не сразу его заметил. Когда заметил, выпрямился и вытер руки о штаны. С наследником Печати конюхи разговаривают осторожно: он им начальник, но они знают, что начальников у них много.

— Книга кормов, — сказал Арлан. — За февраль.

— Так это же давно, — Омар почесал затылок.

— Я знаю, когда.

Книга лежала в каморке на полке с гвоздями и ремнями. Он нашёл февральские листы. Строки шли ровно, дата под датой, имена коней, мера овса. Он нашёл пятнадцатое число, день после ярлыка. Нашёл Құлан, третье место. Нашёл Жорға, гнедой.

Овёс, утро, полная мера.

Не вычеркнуто. Не исправлено. Конь, который по ярлыку ушёл ночью на север, утром ел овёс в стойле.

— Ты тогда сказал мне, что гнедой не уходил, — сказал Арлан.

— Не уходил, — подтвердил Омар.

— Ты уверен?

— Я сам утром отпирал. Он стоял. — Конюх вытер руки ещё раз, хотя они были чистые. — Вы сказали, что его при-

вели ночью, а я проспал. Я не проспал, мырза¹³. Но вы наследник Печати.

Арлан стоял с книгой в руках и слушал, как по крыше стучит ветер. С того февраля прошло восемь месяцев. Он вдруг ясно увидел себя тогда, восемнадцатилетнего, в чёрном чапане, у этих же дверей, и услышал собственный голос: «Значит, конь вернулся сам». Омар не был уверен. Омар сказал: «Он и не уходил». А Арлан придумал для него другое объяснение, и Омар, как все здесь, взял то, что ему дали.

— Больше никому не говори, — сказал Арлан.

— Я понимаю, — сказал Омар. Он не понимал. Но так говорят.

Арлан вернул книгу на гвоздь и вышел во двор. Он хотел убедиться, что Алтын устроилась. Хотел убедить себя, что идёт ради Алтын. Но это было бегство.

В общем зале на первом этаже никого не было. Только стена, длинная, выкрашенная чёрной сажей. На ней мелом были написаны имена и числа. Доска.

Он смотрел на неё каждый день, поэтому видел, как другие не видят: как столбцы дрожат. Дархан, Бөрі: семьдесят восемь. Ерасыл, Акбидай: семьдесят. Сана, Тоған: шестьдесят шесть. Мирас, Қарақұс: сорок семь, стрелка вниз.

И внизу, свежим мелом, ещё не высохшим:

Құлан · Алтын — 41.

Самая низкая цена в Доме.

¹³ . Мырза — вежливое обращение «господин».

Он стоял и смотрел на цифру. «Цена» была просто словом. Каждый аманат получал её при приёме. Это число считала Амбарное крыло, он не знал как, и не задавался вопросом. Оно означало «ценность залога для Ордо». Объяснение было удобное.

Он не стал думать, что это значит.

Это была ошибка, и он сделал её очень аккуратно.

Глава 3. Пиала побольше

Алтын

Из описи залога. Строка третья: условия содержания.

— Не свисти, — сказал Мирас вместо приветствия.

Я стояла в дверях общего зала с узлом в руках и пыталась понять, что здесь не так. Зал был огромный, с низким потолком, длинными столами и очагом на два человеческих роста. Пахло дымом и хлебом. Человек пятнадцать сидели за двумя столами, и все смотрели на меня с одинаковым выражением лица: так смотрят на опоздавшую на собрание, которое ты же и назначил.

— Я не свищу.

— Хорошо. Правило номер один. — Парень, который встал мне навстречу, был худой, со смешными ушами и улыбкой, которая начиналась раньше, чем он решал улыбаться. — Мирас. Қарақұс. Писанный. Приятно.

— Алтын.

— Құлан. Третье. Знаю. Мы все всё знаем, это Дом. — Он взял у меня узел, как будто делал это каждый день. — Правило второе: не называй мёртвых раньше сорока дней. Правило третье: не трогай цифры на стене. Цифры сами тебя трогают.

Я посмотрела. Доска висела над очагом, чёрная стена, исписанная мелом. Моё имя было внизу. Сорок один.

— Это что?

— Цена, — сказал Мирас, пожав плечами. — Тебе повезло. Она у всех разная. Говорят, это про твою ценность для Ордо. Можно считать, что это про твою симпатичность.

— Мне сорок один.

— Значит, симпатичная в меру. — Он улыбнулся шире. — Я был шестьдесят один. Сегодня сорок семь.

Улыбка не изменилась. Но он сказал это слишком легко, как говорят, когда хотят, чтобы тебя спросили.

— Почему упало?

— Не знаю. Я ничего не делал. Говорят, считают по роду, не по человеку. У нас овцы падают.

Я хотела спросить ещё, но он уже тащил меня к столу.

Меня усадили между двумя детьми. Бека, четырнадцать, мой двоюродный брат, был здесь уже три года и успел обрасти вещами и мнениями. Дина, шестнадцать, сидела рядом тихо, как положено тому, кто считает. Они оба были младшие аманаты Құлан. Не писанные. Это значило, что их смерть не расторгала договор. Это значило, что их смерть никого не волновала. Я старалась об этом не думать.

— Ты опоздала на ужин и на всё остальное, — сообщил Бека. — Хлеб уже ломали.

— Это нормально.

— Нет. Опоздавшим не оставляют. — Он понизил голос. — Но я оставил.

Он положил передо мной лепёшку и поставил пиалу с горячим чаем. Я посмотрела на неё. Қонақасы¹⁴, угощение, которое нельзя отвергнуть. Знак, что здесь, в этом доме, тебя не обидят.

— Здесь это тоже работает? — спросила я.

— Это единственное, что здесь работает, — сказал Мирас с другого конца стола, и несколько человек засмеялись, потому что это было правдой.

Я съела хлеб. Он был сухой и вкусный.

Дина рядом сказала едва слышно:

— Не смотри на Дархана.

— Кто это?

— Тот, что у очага.

¹⁴ . Қонақасы — угощение гостя.

Я посмотрела. Парень лет восемнадцати, в тёмном плаще, который не снял. На плаще, у ворота, иней, не растаявший, хотя в зале было тепло. На подкладке клеймо: волчья голова, внутри круг. Он ел стоя, как едят те, кто не уверен, что останется.

— Бәрі, — сказал Мирас негромко. — Стоит ночью на Холодных воротах. По договору. Дешевле, чем платить стражу.

Дархан поднял голову и посмотрел на меня. Дольше, чем принято. Потом подошёл, поставил пиалу на стол.

— Құлан, — сказал он.

— Алтын.

— Ты на него похожа.

Что-то внутри меня сжалось.

— На кого?

— На того, кто сидел на этом месте до тебя.

Он развернулся и ушёл. Я смотрела ему в спину и пыталась сообразить, это угроза, соболезнование или ни то ни другое.

— Не обращай внимания, — сказал Мирас. — Он такой. Он вообще редко разговаривает. Ночью не спит.

— А ты?

— Я сплю как сурок, — сказал Мирас, и это была единственная его фраза за вечер, в которую я не поверила.

После ужина он повёл меня наверх. Коридор на втором этаже был узкий, по обе стороны двери. Моя была четвёртой

от конца. Комната маленькая: кровать, стол, окно.

Окно выходило на двор и дальше на плато, на котором ночью лежал свет. Он был как слабое молоко.

— Видишь? — Мирас встал рядом. — Ақ алаң. Белое поле. Там играют.

— В кокпар¹⁵.

— В кокпар. — Он сказал это слово так, будто пробует на вкус. — Дома ты играла?

— С шести лет. Мы играем иначе.

— Здесь тоже иначе. Смотри.

¹⁵. Көкпар — конная игра: всадники борются за тушу козла и забрасывают её в цель.

Он, не дослушав, исчез. Я решила, что он ушёл спать, но вскоре он вернулся с тремя глиняными пиалами, миской, горстью курта¹⁶ и четырьмя альчиками и высыпал всё это на мой стол.

— Урок, — сказал он. — Садись.

— Я не...

— Садись.

Он расставил пиалы треугольником.

— Это три всадника. Тройка. — Придвинул шарик курта.

— Это туша. Тебе нужно донести её вот сюда. — Поставил миску на край стола. — Это казан. Всё остальное мешает. — Он высыпал горсть крошек. — Это другие тройки.

— Пять, — сказала дверь.

Бека стоял в проёме в одном сапоге, как человек, которого разбудили посреди борьбы с обувью.

— Пять других. Ордо шестая, — сказал он. — Мирас, ты всегда забываешь Ордо.

— Я не забываю. Я надеюсь. — Мирас поставил в угол стола ещё одну пиалу, побольше, и положил на неё шарик курта. — Игруем четыре раза за зиму. Приёмка, Чёрная ночь, Лёд, Весенняя печать. Выигрываешь игру, получаешь печать.

Он выложил рядом четыре альчика в ряд.

— По одной за каждое крыло. Печатное, Амбарное, Дорожное, Судебное. Красиво, правда? Четыре печати, четыре замка, четыре ключа. Весь ларь зовут по старшей кни-

¹⁶ . Курт — сушёные шарики кислого творога.

ге, Шежіре¹⁷: это родословные всех родов Ордо по отцам, до седьмого колена, их не правят и не трогают. А рядом с ними лежит Жылнама¹⁸, книга, где записано всё, что Ордо про нас знает. Кто сколько должен, кто сколько заплатил, кто как умер.

Он сказал «как умер» тем же тоном, каким говорил про овец. Я смотрела на альчики.

— И если собрать все четыре?

— Тогда имеешь право потребовать, чтобы Шежіре открыли. Весной, на Весеннем чтении, перед Советом биев и всеми родами. И прочесть вслух любую страницу.

— Любую?

— Так сказано в Законе. — Он сгрёб альчики в горсть, потряс и высыпал обратно. — Только вот в чём дело. Печати возвращаются в крылья каждую весну. А Ордо ставит сильную тройку. За семьдесят лет никто не собрал все четыре. Ордо любит, когда правда лежит в сундуке, а ключи ходят по кругу.

— Это Мирас придумал, — зевнул Бека. — Он всем это говорит.

— Я придумал, — согласился Мирас. — Но это правда.

Я смотрела на четыре альчика и крошки. Три пиалы. Одна побольше.

— Зачем тогда играть?

¹⁷ . Шежіре — родословная рода до седьмого колена.

¹⁸ . Жылнама — летопись.

— А что ещё делать? — Мирас пожал плечами, и вдруг лицо его изменилось, как у человека, который собирался промолчать и передумал. — Алтын.

— Да?

— Мне надо тебе кое-что дать.

Он вынул из-за пазухи свёрнутый листок, маленький, потёртый, перевязанный шерстяной нитью. Нить была завязана узлами, мелкими, чтобы не бросались в глаза.

— Что это?

— Подарок на новоселье. — Он улыбался, но глаза были другие. — Не читай сейчас. Не открывай. Когда на Доске вместо моего числа будет прочерк, тогда прочтёшь.

— Это шутка?

— Смешно, да?

Я засмеялась. Мне и правда было смешно, потому что это было так глупо, так по-детски. Я взяла листок и сунула в карман куртки.

— Спокойной ночи, — сказал он, уже в дверях.

— Мирас.

— Да?

— Спасибо за хлеб.

Он улыбнулся. На этот раз по-настоящему, широко.

— Это единственное, что здесь работает.

Он ушёл.

Я осталась стоять у окна. Белое плато лежало внизу, ровное, как лист бумаги. Далеко на севере, за стеной, было тем-

но. Я смотрела туда долго.

Потом спустилась вниз, потому что мне вдруг захотелось ещё раз посмотреть на цифры. Зал был пуст. Очаг потух. Доска висела над ним, и меловые строки белели, как кости.

Я нашла имя Мираса.

Цифра рядом с ним была другая. Я помнила: сорок семь. Теперь там стояло сорок четыре. Мел ещё осыпался с краёв. Кто-то стёр и написал заново,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.